

ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ ВОЙСКЪ.

(Окончаніе.) (*)

О Б У Ч Е Н І Е Р О Т Ъ И В А Т А Л І О Н О В Ъ .

Выше уже сказано, что, для избѣжанія излишняго совершенства или, что одно и то же, вредныхъ крайностей въ различныхъ отдѣлахъ солдатскаго образованія, необходимо соединять эти отдѣлы вмѣстѣ, такъ, какъ это дѣлается при дѣйствіи противъ непріятеля. Эти соединенія составляютъ новые предметы образованія, въ противность мнѣнію тѣхъ, которые воображаютъ, будто солдатъ, выученный отдѣльно стрѣлять и маневрировать, сумѣетъ соединить то и другое вмѣстѣ безъ особыхъ упражненій. Если бы это было такъ, то еще съ большимъ основаніемъ можно бы сказать, что ребенку достаточно знать азбуку, чтобы умѣть читать; а между тѣмъ практика показываетъ, что это вовсе не такъ. То же и съ солдатомъ: безъ навыка невозможно, *въ одно и то же время*, сигналъ или команду услышать и исполнить, слѣдить за непріятелемъ, опредѣлять до него разстоянія, непрерывно мѣняющіяся при движеніи, примѣняться къ мѣстности и, наконецъ, не упускать изъ виду обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на мѣткость выстрѣла. Понимается само собою, что для совмѣстнаго исполненія всего этого необходимо и болѣе усиленное, и шире развитое вниманіе, нежели то, которое достаточно для одного строеваго ученія безъ стрѣльбы или для одной стрѣльбы безъ строеваго ученія.

Слѣдовательно, обученіе сборныхъ пѣхотныхъ единицъ должно представить слѣдующіе отдѣлы:

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 3.

1) Обученіе ротъ и баталіоновъ различнымъ порядкамъ строя, стройнымъ движеніямъ въ этихъ порядкахъ и переходамъ изъ одного строя въ другой.

2) Обученіе стрѣльбъ съ неопредѣленныхъ дистанцій въ массѣ, изъ рассыпнаго и сомкнутаго строевъ.

3) Соединеніе обоихъ этихъ отдѣловъ или *ученье съ боевыми патронами*.

4) Обученіе атакъ.

Эти два послѣдніе отдѣла и составляютъ вѣнецъ образованія пѣхоты въ мирное время, т. е. ея боевую подготовку, на столько приближенную къ бою, на сколько это возможно.

Разберемъ по порядку эти отдѣлы, ограничиваясь относительно перваго только общими указаніями, такъ какъ онъ извѣстенъ изъ устава.

Боевые порядки баталіона.

Выручка своихъ въ бою достигается употребленіемъ въ дѣло оружія; слѣдовательно, первую данную, отъ которой зависитъ форма боевыхъ порядковъ, составляетъ оружіе. Выше объяснено, что метательное оружіе требуетъ рассыпнаго, холодное—сомкнутаго строя; слѣдовательно, изъ этого уже видно, что однимъ какимъ-либо порядкомъ для боя обойтись нельзя. Дальнѣйшее разсмотрѣніе свойствъ оружія и обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ приходится достигать боевыхъ цѣлей, обнаруживаетъ, что одного какого-либо сомкнутаго строя также недостаточно, а нужно имѣть ихъ нѣсколькихъ видовъ.

Дѣйствительно: необходимость обстрѣлывать данное пространство возможно большимъ числомъ огней заставляетъ сгущать цѣпь до послѣдняго предѣла и приводить къ сомкнутому тонкому строю или къ *развернутому*.

Ударъ въ штыки, какъ предпріятіе весьма рѣшительное, требуетъ не только сомкнутости, но еще и *лубины* строя, ибо замѣчено, что на опасныя предпріятія человекъ всегда идетъ охотнѣе, когда у него есть поддержка сзади. Является, слѣдовательно, необходимость ставить части развернутаго строя одну за другою, тѣмъ болѣе, что съ уменьшеніемъ длины фронта увеличивается возможность быстроты движенія безъ нарушенія сомкнутости; а быстрота движенія для успѣха холоднаго удара составляетъ одно изъ главныхъ условій. Такимъ образомъ возникаютъ *колонны* — строй, выгодный для удара въ штыки, но

неспособный къ огнестрѣльному дѣйствію и потому всегда прикрываемый (а въ моментъ столкновенія сопровождаемый по флангамъ) *цѣлью стрѣлковъ*.

Дальнѣйшее разнообразіе боевыхъ порядковъ зависитъ отъ разнообразія мѣстности и отъ рода войска, противъ котораго приходится дѣйствовать. На пересѣченной мѣстности масса въ 800 человекъ не можетъ двигаться не теряя сомкнутости и порядка; ясно, слѣдовательно, что баталіонная колонна для подобныхъ случаевъ должна раздѣляться на ротныя колонны, дабы предупредить естественное и беспорядочное раздробленіе баталіона раздробленіемъ искусственнымъ, на органическія части.

Вліяніе кавалеріи и артилеріи на боевые порядки пѣхоты заключается въ томъ, что при дѣйствіи противъ первой на ровной мѣстности (*) приходится принимать строй, представляющій одновременное сопротивленіе во всѣ стороны (*каре*), а находясь подъ выстрѣлами артилеріи должно, для уменьшенія ихъ дѣйствительности, принимать порядки тонкіе и рѣдкіе, или если и глубокіе, то съ большими дистанціями. Въ свою очередь, и эти расположенія видоизмѣняются подъ вліяніемъ мѣстности, такъ какъ нѣтъ надобности принимать строя противъ кавалеріи, способнаго къ сопротивленію во всѣ стороны, если только одна или нѣсколько изъ этихъ сторонъ по мѣстности недоступны для этого рода оружія; нѣтъ надобности принимать строй тонкій или на дистанціяхъ, стоя противъ артилеріи, но за какимъ-нибудь закрытіемъ, обезпечивающимъ насъ отъ выстрѣловъ.

Отличительную черту *разсыпнаго строя* составляетъ то, что въ немъ предоставляется значительная доля самостоятельности простѣйшей тактической организаціи—звену. Въ звенѣ проявляется впервые возможность сопротивленія во всѣ стороны; вмѣстѣ съ тѣмъ люди, входящіе въ составъ одного звена, взаимно и выручаютъ, и контролируютъ другъ друга, достигая цѣли, указанной начальникомъ. Это показываетъ, что звенья имѣютъ весьма важное значеніе: они составляютъ какъ бы атомы, изъ которыхъ должны слагаться строи высшаго поряд-

(*) Т. е. непрямостоящей быстротѣ движущей кавалеріи.

на. Для прочности внутренняго склада части желательнo было бы, чтобы звенья въ полувзводахъ были такъ же постоянны, какъ постоянны роты и полувзводы (капральства). Къ социальнiю, ранжиръ по росту—признаку чисто-внѣшнему, случайному—препятствуетъ какъ постоянству звеньевъ, такъ, и еще болѣе, рациональному составу ихъ. Въ уставъ введено превосходное правило относительно назначенiя старшихъ въ звенья: по этому правилу старшiе должны быть смѣтливые, благонадежные люди и хорошия стрѣлки; но оно остается мертвой буквой, ибо лучшiе стрѣлки распредѣляются не равномерно въ звенья, а занимаютъ въ строю мѣста по росту.

Въ томъ же уставѣ люди, составляющiе звено, называются *боевыми товарищами*. Принимая это выраженiе въ смыслѣ, его достоинствъ, невольно приходишь къ убѣжденiю, что назначенiе людей въ звенья должно обуславливаться ихъ расположенiемъ другъ къ другу, а старшаго, какъ уже сказано, способностiю руководить дѣйствiями товарищей. Отъ такого состава—отъ *ранжира нравственнаго*, если можно такъ выразиться—складъ части весьма бы выигралъ въ боевой прочности: человекъ съ болѣею увѣренностiю пойдетъ въ атаку, зная, что подлѣ него стоитъ товарищъ, имѣющiй съ нимъ общаго не одинъ только ростъ, а внутреннее расположенiе, побуждающее къ выручкѣ. Само собою разумѣется, что, при подобной системѣ строя, начальники должны внимательно слѣдить, чтобы не образовалось товариществъ, почему-либо несоотвѣтствующихъ пользамъ службы, и возникающiя разрушать.

Разсыпной строй, представляя наибольшую подвижность и удобопримѣнимость къ мѣстности, наибольшую мѣткость огня, есть необходимое и естественное дополненiе всякаго сомкнутаго строя.

Развернутый строй возникъ во время перваго увлеченiя стрѣльбой изъ гладкоствольныхъ ружей, когда думали, что огнемъ изъ сомкнутаго строя, не сходясь съ противникомъ, можно достигнуть того же результата, какой получается при штыковой свалкѣ. Это мнѣнiе характеризуетъ всю эпоху отъ изобрѣтенiя ручнаго огнестрѣльнаго оружiя до Фридриха II включительно. Возникло оно вслѣдствiе неполнаго пониманiя всѣхъ свойствъ выстрѣла, приведшаго къ тому, что считалось достаточнымъ положить ружье горизонтально и спустить курокъ, чтобы пуля попала въ противника. Если бы это было

такъ, то понятно, что для пораженія противника оставалось думать объ одномъ только — о томъ, чтобы данное пространство было обстрѣливаемо наибольшимъ количествомъ огней. Этому условію развернутый строй удовлетворяетъ, конечно, болѣе, нежели разсыпной. Вотъ почему въ эпоху Фридриха единственнымъ боевымъ порядкомъ баталіона является развернутый строй, и главное, на что при дѣйствіи обращено вниманіе, есть частая стрѣльба. Если къ этому еще припомнить, что въ ту же эпоху впервые уразумѣли значеніе мѣрнаго шага, то и станетъ понятно, почему разсыпной строй считался тогда для регулярныхъ войскъ непримѣнимымъ и даже нелѣпымъ, давая мало огня и предоставляя солдату слишкомъ большую свободу.

Практика показала несостоятельность этого взгляда посвоему, т. е. опять нѣсколькими катастрофами при столкновеніи войскъ, воспитанныхъ на развернутомъ строѣ съ революціонными арміями, вторыми дрались въ колоннахъ, прикрытыхъ цѣпью стрѣлковъ. Практика показала, что при большомъ числѣ выпускаемыхъ пуль получается весьма малое число попадающихъ. Если взять къ этому неудобоподвижность развернутого строя даже на ровномъ мѣстѣ и неизбѣжность разрыва его на мѣстѣ мало-мальски пересѣченномъ, то и окажется, что онъ годенъ для стрѣльбы только на самыя близкія разстоянія: противъ пѣхоты не далѣе 20 шаговъ, противъ кавалеріи не далѣе 80 или 100. Это уже показываетъ, что единственный раціональный способъ стрѣльбы изъ этого строя — стрѣльба залпами. За залпомъ, если дѣйствуемъ противъ пѣхоты, должно тотчасъ же бросаться въ штыки.

Стрѣльба залпами представляетъ выгоды нравственнаго впечатлѣнія, возможности управлять ею и, наконецъ, даже значительной дѣйствительности, если приступать къ ней не ранѣе, какъ по приближеніи противника на указанные разстоянія.

Стрѣльба рядами, будучи беспорядочна, какъ стрѣльба разсыпнаго строя, не представляетъ въ то же время ея мѣткости. При томъ этою стрѣльбою нельзя и управлять (*) по произволу; слѣдовательно, она противорѣчитъ духу сомкнутаго строя, въ которомъ начало и прекращеніе всякаго дѣйствія должно быть въ полной власти начальника. Все это показываетъ, что она можетъ быть отмѣнена тѣмъ легче, что замѣняется, и при-

(*) Замѣчено, что часть, открывшую пальбу рядами, довольно трудно заставить прекратить ее.

томъ съ выгодой, на близкихъ разстояніяхъ залпами, а на дальнихъ — стрѣльбою цѣпи (*).

Вообще должно замѣтить, что хорошая пѣхота скупа на огонь и постоянно должна помнить золотое суворовское правило: „стрѣлять рѣдко, да мѣтко“. Частая стрѣльба, будучи мало дѣйствительна, нехороша еще и тѣмъ, что онявняетъ, какъ и всякій шумъ, и недостойнымъ для солдата образомъ отвлекаетъ его отъ мысли объ опасности, ибо располагаетъ не къ преодолѣнію ея, а къ тому только, чтобы заставить себя чѣмъ-нибудь не думать о ней. Можно сказать положительно, что частая стрѣльба есть одинъ изъ признаковъ неспокойнаго состоянія части и близости ея къ тому, чтобы „сдаться“. Въ исторіи много есть примѣровъ того, что часть, шедшая въ атаку, но неимѣвшая достаточно духу, чтобы сойтись на штыкъ, кончала тѣмъ, что останавливалась, развертывалась въ беспорядкѣ, открывала безтолковую трескотню и затѣмъ давала тылъ. Поэтому-то Суворовъ и говорилъ: „пули дура, штыкъ молодецъ“, и то же самое говорили всѣ замѣчательные военные педагоги, хотя въ другой формѣ, потому что они говорили не для солдатъ. Маршалъ Саксонскій въ энергическихъ выраженіяхъ возстаетъ противъ „трескотни“ (tiegie), какъ онъ называетъ частую стрѣльбу. Маршалъ Бюжо выражается еще рѣзче: „хорошая пѣхота скупа на огонь. Частая стрѣльба есть средство, которымъ трусы стараются заглушить въ себѣ чувство страха“—говоритъ онъ. Онъ же приводитъ прекрасный примѣръ въ подтвержденіе того, что рѣдкій, но дѣльный и спокойный огонь гораздо и дѣйствительнѣе, и экономнѣе частаго и суетливаго. Въ 1815 году одинъ французскій полкъ долженъ былъ отстоять горный проходъ въ Альпахъ противъ австрійцевъ, которые были въ превосходномъ числѣ. Австрійцы занимались страшной трескотней; французскій полкъ не дѣлалъ ни одного выстрѣла; когда же австрійцы рѣшались на атаку, французскій полкъ встрѣчалъ ихъ дружнымъ залпомъ на самомъ близкомъ разстояніи, затѣмъ бросался въ штыки и отражалъ каждый разъ атаку. *Послѣ восьмичасоваго успѣшнаго боя полкъ сохранилъ еще положину патроновъ.*

(*) Она составляетъ остатокъ того времени, когда полагали, что стрѣльбу можно производить не только залпомъ цѣлаго фронта или шеренгъ, но и взводами, дивизионами и т. п., не замѣчая того, что этии достигалось только равнообразіе звука, но никакъ не разнообразіе употребленія стрѣльбы въ дѣлѣ

Развернутый строй, пока неприятель далеко, прикрывается цѣпью стрѣлковъ, которая, по сближеніи неприятеля шаговъ на 300 съ развернутымъ строемъ, должна быстро очистить фронтъ и, собравшись на флангахъ, продолжать стрѣлять. Затѣмъ, когда неприятель сблизился на одно изъ извѣстныхъ разстояній, развернутый строй дѣлаетъ залпъ и бросается въ штыки, если на него идетъ пѣхота, или беретъ на руку и даетъ отпоръ на мѣстѣ, если это кавалерія.

Стоя противъ артилеріи, развернутый строй терпитъ менѣе, нежели какой-либо другой изъ сомкнутыхъ строевъ, и поэтому употребляется иногда на открытой мѣстности, какъ предохранительный отъ потерь, наносимыхъ артилерійскимъ огнемъ.

Колонна въ дѣлѣ не совсѣмъ похожа на колонну мирныхъ ученій: стройность прямолинейная невольно исчезаетъ въ бою: и отъ потерь, наносимыхъ огнемъ, и отъ мѣстныхъ препятствій; однимъ словомъ, достиженія подобной въ дѣлѣ невозможно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что прямолинейная и прямоугольная колонна бесполезна; напротивъ: она имѣетъ весьма важное значеніе при мирномъ обученіи, приучая солдата плотно держаться въ рядахъ. Но чѣмъ менѣе возможна прямолинейная стройность, тѣмъ болѣе должно стараться, чтобы часть, особенно при движеніи въ атаку, составляла сплоченную массу, т. е., чтобы отнюдь не растягивалась и чтобы прорывы въ рядахъ, образуемые дѣйствіемъ неприятельскихъ снарядовъ, немедленно были уничтожаемы смыканіемъ людей къ серединѣ.

Преимущество колоннъ передъ развернутымъ строемъ для атаки заключается не въ одной подвижности и поддержкѣ переднихъ людей задними, но еще и въ томъ, что, по замѣчанію генерала Ермолова, колонна даетъ возможность храбрѣйшимъ людямъ баталіона протѣсниться въ передніе ряды и, слѣдовательно, сосредоточить лучшую его боевую силу, которая въ развернутомъ строѣ остается разсѣянною по всему фронту и не можетъ скопиться на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ.

Уставъ не даетъ, и не можетъ дать, всѣхъ видовъ колоннъ, которыя могутъ понадобиться въ дѣлѣ: онъ даетъ только основныя типы ихъ. Дѣло офицера, преданнаго своей спеціальности, основательно изучивъ уставъ, выработать въ себѣ способность разрѣшать въ духѣ устава могущіе представиться случаи употребленія такихъ формъ строя, о которыхъ въ уставѣ не говорится. Для примѣра возьму слѣдующіе случаи: ротная ко-

лонна идти въ атаку, положимъ, на деревню; ей представляется два удобныхъ мѣста для прерыва, но каждое слишкомъ узко для того, чтобы прорваться въ него со всею ротою: распорядительный ротный командиръ не задумавшись раздѣлитъ свою роту на двѣ части или на двѣ полуторныя колонны, хотя въ уставѣ о подобной формѣ строя ничего не сказано.

Выдвиганіе заднихъ ротъ при атакѣ полувзводною колонною изъ середины представляетъ подобный же случай.

Вмѣсто выдвиганія взводовъ при движеніи развернутаго баталіона въ атаку, можно переходить въ одну линію ротныхъ колоннъ, взводныхъ или полувзводныхъ.

При расположеніи въ ротныхъ колоннахъ роты держать въ развернутомъ строю или во взводной колоннѣ, а не въ полувзводной, какъ то по нормальному расположенію принято, и т. под.

Въ этомъ умѣньи: примѣнять уставъ къ обстоятельствамъ, и заключается его дѣйствительное знаніе и пониманіе, а не въ механическомъ продѣлываніи тѣхъ только формъ, которыя введены въ уставъ, какъ образчики для руководства.

Развертываніе и свертываніе колоннъ можно производить различными способами: 1) или по фланговымъ частямъ (т. е. по 1-й или 4-й ротѣ; по 1-му или 8-му взводу — такъ называемыя построенія справа или слѣва); или 2) по среднимъ взводамъ или полувзводамъ—построенія изъ середины; или, наконецъ, 3) развертываніе и свертываніе независимо отъ порядка номеровъ, носимыхъ ротами.

Первый способъ имѣетъ то преимущество, что при немъ эшелоны, колонну образующіе, состоятъ всегда изъ людей одной части; но за то развертываніе колоннъ справа и слѣва или медленно, если его дѣлать по головѣ колонны, или сложно, если принять основаніемъ построенія одну изъ среднихъ частей.

Построеніе колоннъ изъ середины даетъ выгоду быстрого развертыванія, которое происходитъ одновременно въ обѣ стороны; но неудобно тѣмъ, что каждый эшелонъ (*) состоитъ изъ людей, принадлежащихъ различнымъ ротамъ.

Наконецъ, третій способъ построенія колоннъ соединяетъ въ себѣ выгоды перваго и втораго.

(*) Подъ эшелонами колонны здѣсь разумются части развернутаго строя, изъ которыхъ составлена колонна.

Первый и второй способы построения уже известны, и потому укажу только на то, какъ можно бы применить къ дѣлу послѣдній.

Положимъ, имѣется дивизионная колонна справа, т. е. по первой ротѣ; по командѣ: *стройся направо и налево* 2-я и 4-я роты развертываются вправо, 3-я влево. Слѣдовательно, получится развернутый строй, въ которомъ роты будутъ въ такомъ порядкѣ: 4-я, 2-я, 1-я, 3-я. По командѣ: *во 2-й ротѣ въ колонну стройся*, 1-я и 3-я роты идутъ за 2-ю, а 4-я передъ нею, или наоборотъ.

При подобной системѣ устава получила бы возможность развертываться и свертываться по какой угодно ротѣ, имѣть въ головѣ колонны цѣльную часть, не теряя въ то же время удобства построений изъ середины; однимъ словомъ, эволюціи приобрѣли бы гибкость, несравненно большую той, которую онѣ обладаютъ теперь.

Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ этой системы, заключается въ томъ, что роты будутъ стоять не по порядку своихъ номеровъ. Но, при болѣе внимательномъ разборѣ, это кажущееся неудобство составляетъ, напротивъ, выгоду системы. Привычка занимать одно и то же мѣсто относительно другихъ частей тѣмъ вредна, что въ бою, бывъ нарушена—а это иногда неизбежно—ставить части въ неловкое положеніе до такой степени, что стремленіе восстановить привычное положеніе заставляетъ ихъ иногда даже забывать о неприятелѣ (*). Объясненная система самымъ ходомъ обученія поселяетъ въ войскахъ то убѣжденіе, что *супротивъ не въ томъ, гдѣ стоимъ, а въ томъ, чтобы наносили неприятелю возможно большій вредъ*.

Въ колоннѣ измѣнчивость расположенія ротъ не представляетъ ничего, кромѣ выгоды, позволяя имѣть головнымъ частямъ и тѣмъ уравнивать потери, происходящія отъ рукопашныхъ схватокъ. Въ развернутомъ же строѣ она не причиняетъ никакого вреда, такъ какъ стрѣльба не можетъ потерять отъ того, правѣ ли стоитъ, напригнѣръ, первая рота, или лѣвѣе второй.

Бере. Главная часть, дѣйствуя на мѣстности открытой и ровной противъ кавалеріи, не можетъ рассчитывать на успѣхъ

(*) Бывали примѣры, что правоугольная часть, отступивши по выходѣ изъ закрытаго мѣста лѣвѣе лѣвоугольной, въ виду неприятеля прежде всего хлопотала о томъ, чтобы занять свое мѣсто по номеру.

удара холоднымъ оружіемъ, потому что уступаетъ противнику и въ массѣ, и въ быстротѣ, и, наконецъ, во впечатлѣніи, производимомъ на него своимъ наружнымъ видомъ. Поэтому главная сила ея въ разбираемомъ случаѣ будетъ заключаться въ дѣйствіи огнемъ, т. е. въ выжиданіи кавалеріи на мѣстѣ, и притомъ въ порядкѣ, представляющемъ возможность сопротивленія во всѣ стороны. Последнее потому, что кавалерія можетъ быстро обскакивать пѣхоту съ фланговъ и даже съ тылу: слѣдовательно, нужно заблаговременно быть готовымъ на такой случай. Съ своей стороны, кавалерія, будучи чрезвычайно сильна въ ударѣ холоднымъ оружіемъ, не въ состояніи дѣйствовать хорошо огнестрѣльнымъ.

Итакъ, каждый изъ двухъ родовъ войска слабъ именно въ томъ, въ чемъ силенъ другой: слѣдовательно, вѣроятности на успѣхъ въ свалкѣ будутъ опредѣляться не столько совершенствомъ въ дѣйствіи оружіемъ, сколько нравственными данными, и именно убѣжденіемъ въ своей непобѣдимости. Который изъ двухъ противниковъ больше имѣетъ этой вѣры въ себя, тотъ и одолеваетъ. Слѣдовательно, при мирномъ обученіи все должно быть устремлено на то, чтобы приучить пѣхоту не бояться кавалеріи, а кавалерію—пѣхоты. При этомъ условіи пѣхота будетъ трудно одолима для кавалеріи, какъ бы ни было плохо ея оружіе, какъ бы ни мало было прямолинейно-геометрической стройности въ ея порядкахъ для встрѣчи кавалерійской атаки. Если же къ этой увѣренности въ себя присоединяются еще и качества вооруженія, и стройность порядковъ, сила сопротивленія пѣхоты возрастаетъ до неодолимости. Обратное: совершенство оружія и стройность порядковъ безъ вѣры въ себя не спасутъ пѣхоту отъ гибели.

Каждый пѣхотинецъ долженъ помнить, что до тѣхъ поръ, пока онъ остается лицомъ къ кавалеристу, тотъ ничего ему сдѣлать не въ состояніи: потому не въ состояніи, что кавалеристъ долженъ въ одно и то же время и управлять лошадыю, и дѣйствовать оружіемъ, между тѣмъ какъ пѣхотинецъ стоитъ на собственныхъ ногахъ и управляетъ штыкомъ обѣими руками. Самаго незначительнаго движенія штыка достаточно, чтобы сабля, а тѣмъ болѣе пика были отбиты. Но чтобы это движеніе штыка было вѣрно, нужно *быть спокойнымъ*; если этого нѣтъ, пѣхотинецъ будетъ суетиться, а не отбивать удары; а если онъ дастъ тылъ, то буде изрубленъ неминуемо, пото-

му что по медленности уйти не можетъ и въ то же время отдаетъ себя, совершенно беззащитнаго, на жертву ударамъ кавалериста.

Помни это, всякій пѣхотинецъ пойметъ, что никогда онъ не будетъ такъ близко къ гибели, какъ давъ тылъ передъ кавалеристомъ. И, наоборотъ, до тѣхъ поръ, пока онъ остается лицомъ къ врагу, ему и нѣсколько кавалеристовъ ничего не сдѣлаютъ.

Баталіонное каре имѣетъ протяженія по фронту и въ глубину нѣсколько болѣе взвода; фланкируется взводными кучками стрѣлковой роты (*). Каждый фасъ состоитъ изъ 4 шеренгъ, слѣдовательно обладаетъ достаточною плотностію (**); огонь довольно слабъ, ибо при атакѣ на фасъ его можетъ производиться только одинъ взводъ; при атакѣ на уголъ — два.

Пространство, занимаемое каре, втрое меньше пространства, занимаемаго колонною къ атакѣ (***) ; слѣдовательно, потери отъ артилерійскаго огня должны быть весьма велики. Сохраненіе сомкнутости при движеніи, особенно въ углахъ, весьма затруднительно, такъ что въ нѣкоторыхъ арміяхъ даже принято не производить движеній въ каре, а перестраиваться для этого въ колонны. Наконецъ, этотъ строй весьма неудобенъ тѣмъ, что въ немъ только $\frac{1}{4}$ людей остается лицомъ къ непріятелю, остальные же $\frac{3}{4}$ флангомъ и тыломъ къ нему. Внутреннее пространство баталіоннаго каре довольно мало, такъ что едва достаточно для помѣщенія музыкантовъ и верховыхъ чиновъ баталіона.

Это показываетъ, что, въ сущности, каре есть строй весьма невыгодный и что къ нему должно прибѣгать только какъ къ мѣрѣ исключительной, замѣняя его при малѣйшей возможности строемъ развернутымъ (отчасти или вполне). Имѣя это въ виду,

(*) По моему мнѣнію, подобное расположеніе стрѣлковой роты болѣе вредно, нежели полезно: во-первыхъ, потому, что эти взводныя каре отъясняютъ огонь фасовъ, а въ суматохѣ могутъ даже и сами страдать отъ него; во-вторыхъ, потому, что, подвернувшись подъ кавалерійскую атаку, они могутъ броситься къ каре и облегчить его прорывъ.

(**) Плотность это нужна не какъ механическое противудѣйствіе прорыву, но какъ удовлетвореніе тому условію, что при трудныхъ назначеніяхъ должна быть поддержана сзади.

(***) Колонна къ атакѣ имѣетъ протяженія по фронту два взвода, въ глубину — полтора; слѣдовательно, площадь, ею занимаемая, равна тремъ квадратнымъ взводамъ. Каре по фронту и въ глубину занимаетъ взводъ; кромѣ того, музыканты, стоящіе въ колоннѣ къ чѣмъ видъ сказаннаго пространства, стоятъ внутри каре.

слѣдовало бы допустить въ уставѣ исполненія каре, т. е. такія, въ которыхъ доступны кавалеріи направленія преграждаются развернутымъ строемъ, примкнутымъ элангами къ неудободоступнымъ для нея предметамъ. Само собою разумѣется, что опорой эланговъ могутъ служить не одни неодушевленные предметы, но и войска (*).

Линія ротныхъ каре, къ разряду которыхъ должно отнести и *каре изъ баталіона со взводными взводами*, представляютъ передъ баталіоннымъ преимущество взаимной обороны огнемъ, и, въ случаѣ прорыва одного изъ нихъ, не весь баталіонъ подвергается опасности. Но внутреннее пространство ихъ мало; кромѣ того, въ большой массѣ люди противостоятъ удару съ большей увѣренностію, нежели въ мелкихъ частяхъ, разбросанныхъ на разстояніи другъ отъ друга. Изъ этого слѣдуетъ, что ротныя каре (если только не нужно значительное внутреннее пространство) въ отдѣльно дѣйствующемъ баталіонѣ предпочтительнѣе; въ линіи же баталіоновъ—баталіонныя. Въ послѣднемъ случаѣ нечего думать о собственной эланговой оборонѣ, такъ какъ она получается отъ другихъ баталіоновъ.

При ротныхъ каре шахматный порядокъ расположенія до-

(*) Положимъ, нѣтъ на элангѣ оврагъ или рѣчку: тогда нѣтъ надобности строить четырехъугольное каре, а достаточно двухъ есововъ, примкнутыхъ наружными элангами къ препятствію. Какъ составить эти есовы—сломать ли просто развернутый строй, или образовать каждый изъ двухъ ротъ, поставленнымъ одна за другою, будетъ зависеть отъ мѣстности и отъ усмотрѣнія начальника.

Положимъ, что на подобной же мѣстности (т. е. нѣтъ рѣчку на элангѣ), на неприкрытомъ элангѣ находится другой баталіонъ: тогда можно ограничиться просто развернутымъ строемъ. Но положимъ, что кавалерія неприятеля предприимчива и можно опасаться прорыва въ промежутокъ между баталіонами: тогда можно загнуть назадъ подъ угломъ взвода два или три. Это мѣры для выгоднѣйшаго противодѣйствія кавалерійской атакѣ, *въ зависимости отъ мѣстности и относительнаго расположенія дружины частей*. Можно достигнуть иногда той же цѣли посредствомъ выигрыва времени. Положимъ, кавалерія отъ насъ находится шагахъ въ 600, а на элангѣ, шагахъ въ 50, лѣсъ или деревня: никакого каре строить нечего, а просто слѣдуетъ укрѣпиться бѣгомъ въ эту деревню или лѣсъ, занявъ ихъ окрестности цѣпью стрѣлковъ для пораненія кавалеріи.

Изъ этихъ примѣровъ можно еще разъ видѣть, до какой степени выгодныя и безконечно разнообразныя средства можетъ изобрѣтать начальникъ для достиженія одной и той же цѣли, если руководствуется не одной мертвой буквой устава, а имѣетъ здравый толкъ, выработанный ровнымъ образомъ о своей дѣлѣ; если онъ спокоенъ и, вслѣдствіе этого, каждую минуту помнитъ, что вправо и влево отъ него дѣлаются, и видѣть, какую изъ этого онъ можетъ извлечь для своей части пользу; если, наконецъ, держитъ эту часть въ рукахъ такъ, что она безусловно вѣрится въ него и готова исполнять всякое его распоряженіе по малѣйшему слову и даже взгляду.

ставляетъ уже дѣйствительную выгоду (не такъ, какъ въ ручкахъ), вслѣдствіе большихъ дистанцій и интерваловъ между ротами. Принимая, на примѣръ, что 2-я линія ротныхъ колоннъ находится хотя во 100 шагахъ за первой, она можетъ помочь этой послѣдней своимъ огнемъ, который въ состояніи будетъ производить съ полнымъ спокойствіемъ, обезпеченная отъ попытокъ кавалеріи, направленной на первую линію.

Сказанное о преобразованіи баталіоннаго каре въ развернутый строй, въ зависимости отъ мѣстности и обстоятельствъ, относится и къ ротному каре, которое при малѣйшей возможности должно быть также замѣняемо развернутымъ строемъ. Особенно это должно имѣть въ виду относительно 2-й линіи, которая можетъ развертываться даже и на открытой мѣстности, ибо обезпечена отъ атакъ расположеніемъ 1-й линіи. Само собою разумѣется, что это справедливо только тогда, если атака ведется на одну первую линію, а не на первую и вторую одновременно.

Каре, какъ и прочіе сомкнутые строи, прикрывается цѣпью стрѣлковъ, которая, передъ атакою кавалеріи, если есть время, собирается съ открытыхъ мѣстъ къ сомкнутому строю; если нѣтъ, строится на открытыхъ мѣстахъ своей позиціи въ кучки.

Дѣйствіе каре. Введеніе наръзнаго оружія въ войска заставляетъ думать нѣкоторымъ, что чѣмъ съ болѣе дальняго разстоянія встрѣтитъ стрѣльбой кавалерійскую атаку, тѣмъ лучше. Ничего нѣтъ ошибочнѣе подобнаго мнѣнія: во-первыхъ, чрезвычайно трудно попасть въ цѣль, которая прямо на насъ несется — это знаетъ всякій охотникъ — трудно тѣмъ болѣе, что эта цѣль грозитъ раздавить; во-вторыхъ, на дальнемъ разстояніи стрѣльба залпами невозможна; а стрѣльба рядами, какъ уже извѣстно, только суетитъ людей, между тѣмъ какъ имъ нужно для послѣдней, рѣшительной минуты возможно большее спокойствіе; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что стрѣльба не столько наноситъ вредъ, сколько пріучаетъ къ звуку выстрѣловъ и людей, и лошадей неприятельскихъ; пріучаетъ ихъ презирать выстрѣлы и не обращать на нихъ вниманія даже и тогда, когда они становятся дѣйствительно смертоносными. Имѣя это въ виду, положительно сказать можно, что *не столько выстрѣлы, сколько ожиданіе изъ стрѣляющей неприятельскую кавалерію и ослабляютъ ея атаку тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе приближается она къ нашему каре, стоящему въ грозномъ молчаніи.* Впечатлѣніе

этого молчанія такъ сильно, что бывали случаи, въ которыхъ кавалерія, подобнымъ образомъ ожидаемая, отъ одного класса, скомандованнаго въ 80, во 100 шагахъ, давала шагъ, даже не дождавшись залпа.

Итакъ, въ паре, на которое несется кавалерійская атака, должно быть соблюдаемо возможно болыше спокойствіе. Когда атакующая часть будетъ отъ паре шагахъ въ 80, по командѣ начальника, люди паровъ, могущихъ дѣйствовать по атакъ, дѣлають шагъ, какъ одинъ человекъ, и затѣмъ берутъ на руку. Какъ только кавалерія отхлынетъ, паре снова заряжаетъ ружья и готовится также встрѣтить новую атаку, если бы она послѣдовала за первой. Пѣхотная часть, отбившая первую атаку, почти навѣрное выдержитъ и слѣдующія, и тѣмъ легче, что передъ фронтомъ ея останутся ружейные люди и лошади неприятельскіе, которые будутъ поселять разстройство въ послѣдующихъ атакахъ.

Если замѣчено, что неприятель готовится сдѣлать нѣсколько атакъ, одну за другою, то залпу паровъ должно въ стойкихъ войскахъ предпочитать залпы попеременно. Этими оберегается половина выстрѣловъ на тотъ случай, если бы атаки слѣдовали одна за другою такъ быстро, что не давали бы времени для заряданія. Съ этою же цѣлію можно бы допустить смѣну переднихъ полувзводовъ задними, при помощи вадванванія рядовъ. Въ англійской арміи первая двѣ шеренги становятся на колѣни, вслѣдствіе чего стрѣлятъ могутъ всѣ четыре.

Какъ ни дѣйствителенъ подобный способъ отраженія кавалерійскихъ атакъ, однако можетъ случиться, что паре будетъ прорвано. И солдаты, и начальники должны быть готовы на подобную случайность и немедленно образовать кучки, дабы въ мгновеніе ока не осталось ни одного человека бокомъ или тыломъ въ кавалеріи. Если начальники распорядительны и люди спокойны, такихъ кучекъ взять невозможно кавалеріи, уже потерявшей силу разбѣга, безъ которой она уступаетъ даже и въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ. Поэтому и въ мирное время слѣдовало бы приучать людей, предполагая прорывъ какого-либо ряда, собираться быстро въ кучки. Выпускъ пѣхотной части, что въ паре ни въ какомъ случаѣ прорвано быть не можетъ—какъ то нѣкоторые считаютъ необходимымъ—не только бесполезно, но и вредно, ибо въ дѣлѣ такой случайности

не всегда можно избѣжать, и при подобномъ убѣжденіи она застаётъ часть врасплохъ, какъ и все то, что кажется невозможнымъ и вдругъ случится. Нужно, слѣдовательно, не внушать людямъ убѣжденія о невозможности прорыва, а приучать ихъ къ мѣрамъ, которыми прорывъ обращается въ ничто. При этомъ условіи и при убѣжденіи, что кавалеристъ ничего не въ состояніи сдѣлать пѣхотинцу, который остается къ нему лицомъ, пѣхотѣ не страшна кавалерійская атака.

Для противодѣйствія прорыву полезно имѣть небольшой резервъ внутри каре.

Содѣйствіе стрѣлковой роты отраженію атакъ кавалеріи. Пока кавалерія на значительномъ разстояніи, стрѣлки поражаютъ ее, находясь въ цѣпи; съ приближеніемъ атаки, стрѣлки съ мѣсть открытыхъ убираются или, какъ уже сказано, строятся въ кучки. Часть стрѣлковой роты, находящаяся при баталіонѣ, размыкается вправо или влѣво отъ него (смотря по тому, откуда идетъ атака), на высотѣ задняго фаса, и открываетъ стрѣлбу рядами неторопливую, возможно меньше пуская гуль на вѣтеръ; когда атака сблизится шаговъ на 300—200, она быстро смыкается съ заднимъ фасомъ или у заднихъ угловъ каре и беретъ на руку. Какъ только атака отражена, стрѣлковая рота быстро отдѣляется отъ задняго фаса въ сторону и открываетъ стрѣлбу по бѣгущимъ.

Сказанное относительно колоннъ о томъ, что въ примѣненіи къ дѣлу онѣ видоизмѣняются, относится, и притомъ въ гораздо большей мѣрѣ, къ каре. Строго прямоугольное и прямолнейное каре невозможно въ бою по той причинѣ, что въ немъ соединены два разнородныя положенія войскъ (т. е. фронтомъ и рядами—это совершенно ясно обнаруживается при движеніи каре въ какую-либо сторону). Отъ этого соединенія разнообразныхъ положеній строя въ каре происходитъ, что когда непріятельскіе выстрѣлы начнутъ выносить ряды, и фасы смыкаются въ серединѣ, въ углахъ образуются интервалы; чтобы углы снова сомкнуть, фасы придется загибать назадъ, такъ что изъ каре выйдетъ собственно куча. Офицеры должны это постоянно помнить и людей предупреждать, дабы нигде въ каре не приходило въ отчаяніе, какъ отъ потери стройности, отъ того, что въ бою составляетъ неизбѣжное явленіе.

Общее замѣчаніе о томъ, въ какомъ отношеніи должно находиться обученіе дѣйствию оружіемъ въ мирное время къ обученію строямъ и примѣненію къ мѣстности.

Изъ разбора боевыхъ порядковъ баталіона видно, во-первыхъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ лучшимъ для достиженія цѣлей извѣстнаго разряда (*); во-вторыхъ, что ни одинъ изъ нихъ не примѣняется къ дѣлу всегда съ уставной правильностію: однимъ словомъ, что *боевые порядки безконечно могутъ быть разнообразны, такъ же, какъ безконечно разнообразна мѣстность.*

Это указываетъ, что заблаговременно изучить всѣ боевые порядки или всѣ случаи удобнѣйшаго примѣненія къ мѣстности невозможно, и что, какъ въ выборѣ строя, такъ и въ примѣненіи къ мѣстности, личная умственная дѣятельность начальника должна играть первостепенную роль.

Но развитіе такой умственной дѣятельности возникаетъ только тогда, когда къ основнымъ типамъ построений, предлагаемымъ въ уставѣ, начальникъ относится самостоятельно, а не воображаетъ, что отступленіе отъ нихъ невозможно; тогда, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ обладаетъ основательнымъ знаніемъ свойствъ каждой формы, дабы сразу видѣть, какая въ данномъ случаѣ можетъ быть наиболѣе пригодна.

Мирное обученіе войскъ и должно стремиться къ тому, чтобы поставить и начальниковъ, и солдатъ, каждаго въ ихъ кругѣ дѣятельности, въ сказанное отношеніе къ строямъ и къ мѣстности; а это возможно только тогда, когда не особенно налегается на достиженіе идеальнаго совершенства въ исполненіи уставныхъ типовъ строя и примѣненія къ мѣстности. Идеальное совершенство это возможно только тогда, если ограничимся *нѣкоторыми* случаями построений и примѣненія къ мѣстности; а это подвергаетъ риску потеряться при первомъ

(*) Пакота можетъ имѣть въ виду слѣдующія цѣли: атаку на пакоту же, или противодѣйствіе такой атакѣ; противодѣйствіе кавалерійской атакѣ; атаку на батарею или противодѣйствіе ея огню огнемъ цѣли и укрытіемъ или рѣдкимъ расположеніемъ сомкнутыхъ частей. Изъ разбора строевъ уже извѣстно, что атаковать иногда хорошо въ развернутомъ строѣ, иногда въ одной колоннѣ, иногда въ нѣсколькихъ; давать отпоръ кавалерійской атакѣ иногда хорошо въ каре цѣлаго баталіона, иногда части его, иногда въ развернутомъ строѣ, также принимаемомъ или всѣмъ баталіономъ, или частію его. Поражать огнемъ иногда хорошо изъ рассыпнаго, иногда изъ развернутаго строя; парализовать огонь артилеріи иногда тонкими и рѣдкими расположеніями, иногда сосредоточенными и глубокими (за мѣстными предметами).

шагѣ въ дѣло, наткнувшись на такой случай, который не былъ предметомъ мирнаго изученія. Если при этомъ нѣтъ и привычки соединять построеній и расположеній на мѣстности съ дѣйствіемъ оружіемъ, неожиданность будетъ еще сильнѣе и вѣроятность потеряться больше. Кто привыкъ, напримѣръ, ходить въ атаку, не кончая ее ударомъ въ штыки, тотъ изъ подобнаго упражненія не выноситъ понятія именно о самомъ существенномъ, и когда въ бою дойдетъ дѣло до этого существеннаго, онъ невольно будетъ приходить въ замѣшательство потому, что, неожиданно для него, движеніе въ атаку кончается тѣмъ, чѣмъ самъ онъ никогда его не кончалъ.

Послѣ этого станетъ понятно, что лучше совсѣмъ не учить солдатъ, чѣмъ учить ихъ только формамъ дѣйствія и примѣненію къ мѣстности; станетъ понятно, почему иногда новобранцы дерутся лучше старыхъ солдатъ. Первые не имѣютъ никакого понятія о дѣлѣ и дерутся такъ, какъ имъ, по естественному здравому смыслу, кажется лучше; у вторыхъ къ незнацію настоящаго дѣла присоединяется еще потемнѣніе здраваго смысла, происходящее отъ привычки принимать *второстепенную* часть дѣла за *все* дѣло, вслѣдствіе исключительнаго въ ней упражненія.

Вообще значеніе строевъ и примѣненія къ мѣстности выражаются въ томъ, чтобы способствовать болѣе или менѣе удобному дѣйствію оружіемъ, но сами по себѣ они не составляютъ дѣйствія, а только *обстановку* его. Какъ и всякая обстановка, она, сама по себѣ, не имѣетъ значенія, а заимствуетъ его только отъ дѣйствія.

Если обратимся къ дѣйствію оружіемъ, то сразу увидимъ, что значеніе его совершенно иное: какой бы боевой цѣли мы ни достигали, мы всегда это дѣлаемъ или пулей, или штыкомъ: слѣдовательно, безконечная видоизмѣняемость, составляющая основное свойство обстановки дѣйствія, исчезаетъ въ самомъ дѣйствіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, при дѣйствіи оружіемъ всегда имѣется видная цѣль *и дѣло доводится до конца*, т. е. не поселяетъ фальшивыхъ представленій ни въ солдатъ, ни въ начальникъ объ ихъ ремеслѣ.

Изъ этого слѣдуетъ:

- 1) Обученіе дѣйствію оружіемъ должно стоять на первомъ планѣ, обученіе обстановкѣ дѣйствія на второмъ.
- 2) Съ обстановкою дѣйствія должно знакомить старыхъ сол-

дѣтъ, по возможности соединяя ее съ соответствующимъ дѣйствіемъ.

Тогда само собою явится и самостоятельное отношеніе въ обстановкѣ дѣйствія, ибо всякому изъ хода занятій будетъ видно, что главное не въ ней, а въ употребленіи пули и штыка, и что все, что только предѣтъ въ голову для выгоднѣйшаго изъ примѣненія къ дѣлу, должно быть исполнено, хотя бы и не находилось въ уставѣ.

Повторю вкратцѣ выводы этой замѣтки, для большей ихъ осязательности:

Военное ремесло распадается на два отдѣла: на дѣйствіе и на обстановку дѣйствія.

Дѣйствія постоянно одни и тѣ же, обстановка безконечно мѣняется.

Первая, слѣдовательно, можно изучить заблаговременно, вторую же невозможно, и принимать ее въ расчетъ будетъ хорошо не тотъ, кто этому, отдѣльно отъ дѣйствій, больше учился, а тотъ, въ комъ больше здраваго смысла.

Слѣдовательно, при мирномъ обученіи дѣйствіе оружіемъ должно стоять на первомъ планѣ, обстановка дѣйствія на второмъ.

Обученіе обстановкѣ дѣйствій должно по возможности сливаться съ дѣйствіемъ оружіемъ.

Стрѣльба съ неопредѣленныхъ дистанцій.

Рядомъ съ обученіемъ пѣхотныхъ частей строимъ и движеніямъ должна идти и подготовка ихъ къ стрѣльбѣ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ ее приходится употреблять противъ непріятеля. На какіе отдѣлы распадается обученіе выстрѣлу, сказано уже выше; здѣсь же предполагается, что солдатъ уже умѣетъ выстрѣлить съ отмѣренныхъ разстояній и получилъ нѣкоторый навыкъ въ опредѣленію ихъ на глазъ.

Соединеніе этихъ двухъ упражненій въ одно, т. е. *стрѣльба съ разстояній, опредѣляемыхъ на глазъ самимъ солдатомъ*, составляетъ первый шагъ къ тому, чтобы приучить его соединять свои движенія съ дѣйствіемъ оружіемъ. Такъ какъ ему уже извѣстны основанія рассыпнаго строя и различныя эволюціи въ немъ, то разбираемый отдѣлъ обученія будетъ заключаться въ томъ, чтобы упражнять цѣль стрѣлокъ въ наступленіи и отступленіи, сопровождая движенія стрѣльбой. Это упражненіе заставитъ солдата:

1) Принимать въ расчетъ при всякомъ выстрѣлѣ разстояніе до цѣли, между тѣмъ какъ при стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній онъ на это не обращаетъ вниманія.

2) Измѣнять почти послѣ каждаго выстрѣла высоту прицѣла, устанавливая его не на однѣ сотенныя дистанціи, а также и на промежуточныя, чего при стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній дѣлать ему тоже не приходится.

3) Пользоваться встрѣчными предметами для того, чтобы опираться на нихъ ружье, при чемъ онъ невольно, не думая о томъ, приучится и къ пассивному примѣненію къ мѣстности, будетъ видѣть въ немъ не столько укрытіе себѣ, сколько средство для болѣе мѣтлаго выстрѣла: слѣдовательно, при этой системѣ обученія въ мирное время удовлетвореніе инстинкту самосохраненія отступаетъ само собою на задній планъ.

Наконецъ, 4) при этомъ сама собою усвоится привычка выстрѣлить гдѣ сидя, гдѣ стоя, гдѣ лежа, по *собственному* соображенію каждаго стрѣлка порознь, а не по *приказанію*, которое требуетъ самодѣтельности приказывающаго, а не исполняющаго.

Изъ сказаннаго ясно видно, до какой степени необходимо это упражненіе, заставляя всякаго солдата, и во всякую минуту, принимать личное участіе въ своемъ дѣлѣ, а не быть въ немъ только пассивнымъ исполнителемъ (*).

Ученіе съ боевыми патронами и подготовка къ атакѣ.

Когда солдаты ознакомлены со стрѣльбой съ неопредѣленныхъ разстояній, остается сдѣлать послѣднее соединеніе: производить полныя баталіонныя или ротныя ученья, на мѣстности разнообразной, сопровождая ихъ стрѣльбой, и наконецъ обучать атакѣ.

Характеръ этихъ упражненій опредѣляется тѣмъ, что приходится дѣлать въ бою.

(*) Некоторымъ кажется, что стрѣльбѣ стоя, сидя, лежа, изъ-за закрытія можно обучать и стрѣляя съ отмѣренныхъ дистанцій, совершенно такъ же, какъ можно обучить и пассивному примѣненію къ мѣстности отдѣльно отъ стрѣльбы. Но это не въ томъ, чтобы солдата выучить руководя каждымъ его шагомъ, а въ томъ, чтобы онъ этому самъ амучился, ибо только при послѣднемъ условіи онъ будетъ уметь примѣнять свое знаніе къ дѣлу, разовьетъ личную находчивость. Странно руководить каждымъ его шагомъ въ дѣлѣ столь простымъ въ мирное время, когда въ военное онъ долженъ будетъ все это исполнять по собственному соображенію, ибо тамъ никому въ голову не придетъ указывать каждому стрѣлку, гдѣ ему лучше выстрѣлить сидя, гдѣ лежа, и тому подобное.

Дѣйствія въ бою пѣхоты представляютъ два періода: 1) періодъ огнестрѣльный — отъ 1,200 до 100 шаговъ или около того; 2) періодъ удара въ штыки, заключающій въ себѣ движеніе въ атаку, сопровождаемое стрѣльбой, и самый ударъ.

Упражненіе въ огнестрѣльномъ дѣйствіи при тѣхъ условіяхъ, при какихъ оно имѣетъ мѣсто въ бою, достигается *ученьемъ съ боевыми патронами противъ мишеней*; подготовка войскъ къ штыковому удару достигается: 1) *атаками противъ видимыхъ неодуманныхъ цѣлей*; 2) *сквозными атаками пѣхоты на пѣхоту, кавалеріи на пѣхоту и пѣхоты на кавалерію*.

Ученье съ боевыми патронами приучитъ солдата исполнять всѣ эволюціи, предписываемыя уставомъ, сопровождая ихъ стрѣльбой. Слѣдовательно, сюда войдутъ: не только наступленіе и отступленіе, но перемѣна фронта, огонь изъ каре, развертываніе баталіона съ открытіемъ огня и всѣ соотвѣтствующія эволюціи цѣпи.

Возраженія, дѣлаемыя противъ такихъ учений, заключаются въ томъ, что 1) они опасны, такъ какъ люди могутъ ранить другъ друга. Образцовый (нынѣ учебный) баталіонъ дѣлаетъ уже четыре года сряду эти ученья, и пока не было ни одного несчастнаго случая. Да если бы и былъ, то это еще болѣе говорило бы въ пользу такихъ учений, показавъ, что или люди не знаютъ того дѣла, которое составляетъ ихъ главное занятіе въ бою, или что въ уставѣ есть эволюціи, въ бою неудобопримѣнимыя.

Второе возраженіе заключается въ томъ, что подобныя ученья потребуютъ большаго расхода патроновъ. Это невѣрно: они потребуютъ только болѣе сообразнаго съ боевою цѣлью распредѣленія ихъ. Для годовой практики достаточно, если положить, чтобы три четверти отпускаемыхъ патроновъ были употребляемы на стрѣльбу съ неопредѣленныхъ дистанцій и на ученья съ боевыми патронами, а четверть на провѣрку прицѣловъ въ началѣ каждой годовой практики, т. е. на стрѣльбу съ отмѣренныхъ дистанцій.

Послѣдствія подобныхъ учений и въ боевомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ будутъ благотѣльны.

Обучая войска при боевой обстановкѣ (кромя отсутствія непріятеля), сразу увидятъ, что изъ уставныхъ построеній удобоисполнимо и что нѣтъ; все сложное и ненужное естественно исчезнетъ изъ уставовъ; исчезнетъ и стремленіе вво-

дѣть что-либо подобное вновь. Начальники уйдутъ за фронтъ, т. е. туда, гдѣ будутъ находиться въ первый періодъ боя; а люди привыкнутъ слушать команду съади. Начальники и солдаты, имѣя цѣль впереди, будутъ обращать преимущественное вниманіе на нее, а не на чистоту равненія и т. п. Все это само собою заставитъ чаще вспоминать о боѣ и боевыхъ условіяхъ. Вспоминать, что бою репетицій дѣлать нельзя и что, слѣдовательно, и въ мирное время должно вести войска такъ, чтобы они репетицій не знали; но такъ какъ репетиціи возникли вслѣдствіе заблаговременно назначаемыхъ смотровъ, то послѣдніе будутъ замѣнены смотрами, неожиданно назначаемыми. Это будетъ большимъ улучшеніемъ, и нравственнымъ, и боевымъ: нравственнымъ—ибо заблаговременно назначаемый смотръ служитъ болѣе для того, чтобы скрыть настоящее состояніе части, нежели показать его; боевымъ—ибо въ повѣркѣ знанія войсками своего дѣла все должно быть основано на неожиданности, играющей въ бою первостепенную роль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта система смотровъ отразится благотельно и на характеръ образованія солдата вообще: начальники частей, не зная, что и когда у нихъ будутъ смотрѣть, должны будутъ заниматься всѣмъ одинаково въ теченіе круглаго года. Заблаговременно же назначаемые смотры должны притягивать ихъ вниманіе исключительно къ предмету смотра.

Измѣнится наконецъ и характеръ самыхъ ученій: въ нихъ будутъ обращать преимущественно вниманіе на спокойствіе движеній, а не на быстроту, доведенную до той степени, на которой она составляетъ уже суетливость, а не боевую ловкость войскъ. А въ бою нѣтъ недостатка болѣе вреднаго, какъ суетливость: кто привыкъ суетиться, тотъ и теряется весьма легко.

Наконецъ, въ отношеніи дисциплины, поймутъ, что одинаково вредно и предоставлять солдату излишнюю свободу, и излишне подавлять его, ибо первое повредитъ маневрированію, второе—стрѣльбѣ. Слѣдовательно, возникаетъ изъ самыхъ занятій понятіе необходимости ставить законъ выше личности и начальника, и подчиненнаго, какъ единственный регуляторъ, который можетъ поставить и того и другаго на свое мѣсто.

Мы не говоримъ уже о томъ, что многіе превосходные въ боевомъ смыслѣ параграфы устава, остающіеся теперь мертвой буквой, тогда получатъ свою силу, какъ: назначеніе старшихъ

въ званья по искусству въ стрѣльбѣ, независимо отъ строя по росту, и т. п.

Способъ подготовки во второмъ періоду боя придуманъ еще безсмертнымъ Суворовымъ, но было забытъ послѣ него, благодаря увлеченію внѣшностію фредриховской системы воспитанія войскъ. Заключается онъ въ упомянутыхъ уже выше атакахъ сквозныхъ и противъ видимыхъ неодушевленныхъ цѣлей.

Суворовъ требовалъ, чтобы атака была непрямѣнно видимая цѣль (*), ибо понималъ, что только при этомъ условіи какъ солдаты, такъ и начальники могутъ привыкнуть къ опредѣленію разстояній, съ которыхъ должно вести въ атаку, брать на руку, бросаться на ура. Къ этому атака въ пустое пространство приучить не можетъ, а между тѣмъ привычка къ глазомеру здѣсь такъ же важна, какъ въ фехтованіи. Видѣть съ тѣмъ предписывалось „во время ученія командовать стой и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается неприятель“—намекомъ на то, что ранѣе не должно и думать останавливаться. Къ этому должно присовокупить, что при атакахъ требовалось одно равненіе—„по переднимъ“, т. е. по тѣмъ людямъ, которые больше рвутся впередъ; ретирада (т. е. отступленій) не допускалось ни въ какомъ случаѣ: объ нихъ запрещено было даже и помыслить.

При двухстороннихъ маневрахъ, другихъ атакъ, кромѣ сквозныхъ, не было. Вотъ какъ говорить о нихъ самъ Суворовъ въ своей инструкціи австрійцамъ, данной въ 1799 году, въ Италіи. „Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозъ пѣхоту и кавалерію, кавалерія сквозъ пѣхоту и кавалерію; а какъ только прошли всѣ насквозь, строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать *стой!* Задняя линія проходитъ сквозъ переднюю *и нальво крутомъ!* кавалерія *во четыре нальво крутомъ!* Тутъ уже станутъ на заднюю шеренгу. Тотъ же самый маневръ повторяется снова. Армія, которая была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ; стоявшая прежде, теперь атакуетъ и то же самое наблюдаетъ“. Само собою разумѣется, что для этого маневра размыкали ряды.

Разсмотримъ, что должна была дать подобная система обученія.

Она приучаетъ, во-первыхъ, къ виду массъ, рѣшительно на

(*) Заборъ, канавы, изгородь и т. под.

насъ наступающихъ: эта привычка тоже, что въ одиночномъ сѣктованіи привычка видѣть у груди остріе штыка. Не, рѣшаясь приучать къ этому, какое правило принять для остановки? Остановка вдали не будетъ достигать цѣли; чѣмъ ближе остановиться, не дойдя до непріятеля, тѣмъ хуже, ибо остановка на разстояніи значительномъ отъ него можетъ зависѣть отъ разныхъ причинъ; остановка вблизи показываетъ одно — не хватало духу сойтись на штыкъ (*). Гдѣ же останавливать? Суворовъ разрѣшаетъ гениально эту задачу: *останавливать атаку, пройдя сквозь враждебную массу.*

Кромѣ практики въ глазомѣрѣ уже противъ живой цѣли, этотъ приемъ обученія давалъ возможность: 1) обойти ненавидимыя Суворову ретиряды, ибо у него обѣ стороны оставались побѣдителями; 2) учить войска такъ, чтобы для нихъ не было различія между тѣмъ—на заднюю ли, или на переднюю шеренгу драться съ непріятелемъ.

То и другое показываетъ глубокое знаніе человѣческаго сердца: ретирадамъ обучать не должно, потому что это дѣйствіе отвѣчаетъ инстинкту самосохраненія, который, какъ уже сказано, должно стараться притуплять, а не развивать въ солдатѣ. Атаками то на заднюю, то на переднюю шеренгу, безразлично, Суворовъ приучалъ свои войска не придавать большаго значенія тому, какая шеренга впереди, и такимъ образомъ предохранялъ ихъ отъ впечатлѣнія, производимаго неожиданнымъ появленіемъ непріятеля въ тылу. И военная исторія показываетъ, что для суворовскаго солдата дѣйствительно не существовало ни тыла, ни фланговъ: былъ „фронтъ“ вездѣ, откуда ни появлялся непріятель.

Полезьа и необходимость сквозныхъ атакъ пѣхоты на кавалерію, и наоборотъ, еще осязательнѣе. Достаточно обратить вниманіе на современное отношеніе этихъ родовъ войскъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ вѣрно Суворовъ понималъ, что нужно для толковаго ихъ воспитанія.

Теперь кавалерія и пѣхота ведутся обыкновенно такъ, что болѣе или менѣе боятся другъ друга. Кавалерійская лошадь отшатнется, если пѣхотинецъ сдѣлаетъ передъ нею „владсъ“

(*) Если это въ виду, станетъ ясно, что остановка атаки въ 50 шагахъ отъ противника приучаетъ не къ атакѣ, а къ остановкѣ въ тотъ именно моментъ ея, когда и думать не должно объ остановкѣ.

или „на руку“; пѣхота, завидѣвъ кавалерію, считаетъ долгомъ остановиться и построить каре, хотя бы та и не думала атаковать: иногда случалось даже, что неожиданное появленіе кавалеріи вблизи пѣхоты на мажеврахъ наводило на послѣднюю панический страхъ и заставляло поворачивать назадъ. Понятно, чего можно ожидать въ военное время отъ пѣхоты, усвоившей такое преувеличенное понятіе объ опасности кавалерійской атаки. Понятно также, къ чему способна кавалерія, ближе 50 шаговъ никогда неподѣлывавшая къ пѣхотѣ.

Сквозныя атаки приучаютъ кавалерію къ пѣхотѣ, особенно если послѣдняя встрѣчаетъ ее залпомъ (*), и пѣхоту къ кавалеріи. Понятно, что при дѣйствительной атакѣ на пѣхоту не трудно пустить вскачь ту лошадь, которая пѣхоты не боится, потому что ее знаетъ; и наоборотъ—какъ бы отлично лошадь ни была наскакана, она не понесется съ полною рѣшительностію на пѣхоту, если не привыкла близко ее видѣть въ мирное время. То же относится и до пѣхотинца. Видъ кавалерійской атаки не можетъ быть не страшень и по быстротѣ движенія, и по большой массѣ, которая грозитъ раздавить. Нужно, слѣдовательно, приучить нервы солдата къ тому, чтобы онъ спокойно и не дрогнувъ могъ смотрѣть на приближающійся кавалерійскій ураганъ. Суворовскія сквозныя атаки приучаютъ къ этому пѣхотинца самымъ лучшимъ и вполнѣ отвѣчающимъ боевымъ требованіямъ образомъ (**).

Эта система приготовляетъ солдата къ бою возможно лучшимъ образомъ, но не даетъ достаточной практики начальникамъ, особенно въ управленіи большими массами. Поэтому для образованія послѣднихъ необходимо при лѣтней практикѣ дѣлать нѣсколько *двухстороннихъ маневровъ*, ставя имъ цѣлю выполненіе какой-либо тактической задачи въ родѣ атаки или обороны позиціи.

Этотъ отдѣлъ обученія соотвѣтствуетъ фехтованію съ противникомъ и представляетъ одинакія съ нимъ опасности относительно выработки ложныхъ представленій о боѣ. Если

(*) Единственный случай полезнаго употребленія холостыхъ патроновъ старыми солдатами. Эти залпы будутъ въ то же время указаніемъ и для пѣхоты, когда слѣдуетъ стрѣлять по кавалерійской атакѣ.

(**) Нѣкоторые возражаютъ, что подобное обученіе не отвѣчаетъ бою, гдѣ приходится встрѣчать кавалерійскую атаку въ сомкнутомъ, а не въ разомкнутомъ порядкѣ. Возраженіе несостоятельное, ибо кто привыкъ въ одиночку не бояться кавалерійской атаки, тотъ и подавно не будетъ ея бояться стоя въ массѣ.

применять; фехтованіе съ противникомъ развиваетъ прѣдѣльные удары, т. е. ловкіе, но несильные и немѣткіе. Въ примѣненіи въ массамъ эта примѣрность выражается слѣдующимъ: 1) такъ какъ всякій маневръ имѣетъ цѣлю занять выгоднѣйшее относительно противника положеніе, то обыкновенно бываетъ, что тотъ, на примѣръ, кто обошелъ, считается побѣдителемъ, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ обойти мало, а нужно еще *разбить*, т. е. дѣло окончательно рѣшается дѣйствіемъ оружія, а не занятіемъ выгоднѣйшаго положенія. На дѣлѣ бывали примѣры, что обошедшій оканчивалъ тѣмъ, что сдавался въ плѣнъ. Отъ этого происходитъ, что въ войскахъ, много занимавшихся двухстороннимъ маневрированіемъ, является страхъ быть обойденнымъ и желаніе обходить во что бы то ни стало. А между тѣмъ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что способный сойтись грудъ съ грудью не затруднится сдѣлать обходъ, и наоборотъ; привыкшій полагаться на обходъ не всегда бываетъ въ состояніи сойтись на пятки.

2) При двухстороннемъ маневрированіи нельзя позволить сходиться на пятки, ибо при этомъ въ порядочныхъ войскахъ неминуемо произойдетъ драка; поэтому полагается правиломъ не сходиться ближе 50 шаговъ: это приучаетъ солдата къ остановкамъ на такомъ разстояніи отъ непріятеля, на которомъ онъ не долженъ смѣть даже подумать, что можно остановиться.

3) Такъ какъ въ дѣлѣ успѣхъ основывается преимущественно на нравственномъ одушевленіи, котораго при мирномъ маневрированіи принять въ расчетъ нельзя, то кончается тѣмъ, что успѣхъ или неудача опредѣляются чисто по матеріальнымъ даннымъ, т. е. по относительной силѣ маневрирующихъ, по силѣ позиціи и т. д. Это приучаетъ и солдатъ и начальниковъ придавать матеріальнымъ даннымъ большое значеніе въ успѣхѣ атаки, преклоняться передъ численностію непріятеля, передъ неудободоступностію позицій, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ только тотъ и беретъ, кто не считаетъ своихъ враговъ (*), кто и на стѣну лѣтъ не считаетъ невозможнымъ.

4) Наконецъ, двухсторонніе маневры такъ или иначе, но приучаютъ къ отступленію и къ мысли о возможности неуспѣха атаки. Ничъ ничего вреднѣе, такъ знакомить начальниковъ и солдатъ съ подобными положеніями; какъ выводить изъ нихъ

(*). Если ихъ начать считать, то большинство всегда насчитаетъ, что они сильнѣе и что, слѣдовательно, атаковать нельзя.

съ честью — въ мирное время научить нельзя, и все обученіе кончается тѣмъ только, что и начальники, и солдаты приучаются считать отступленіе дѣломъ обыкновеннымъ. „Я отступилъ“, „мою атаку отбили“, говорится совершенно просто, какъ будто это такъ и быть должно. Не нужно приучать войска къ тому, чтобы подобныя выраженія легки шли съ языка. Отступаетъ уморно не тотъ, кто приученъ отступать на маневрахъ, а тотъ, кто привыкъ смотрѣть на отступленіе какъ на позоръ, какъ на униженіе для порядочнаго войска.

Вотъ почему двухстороннее маневрированіе не должно быть предметомъ слишкомъ частыхъ упражненій войскъ. При упражненіи же, для того, чтобы оно не вселяло ошибочныхъ взглядовъ, необходимо наблюдать слѣдующее:

1) Не доводить дѣло до атаки, дабы „священный бой“, соотвѣтствующій этому дѣйствию, не раздавался никогда даромъ; притомъ, здѣсь имѣется въ виду приучить начальниковъ только принимать выгоднѣйшее положеніе относительно противника; слѣдовательно, доводить дѣла до атаки и имѣть надобности, такъ какъ ей войска обучатся суворовскимъ способомъ.

2) Отнюдь не позволять оставлять позицій въ случаѣ обхода, а требовать отъ обоюденнаго распоряженій для противодействія обходу.

3) Ни въ какомъ случаѣ не дѣлать приговоровъ, кто побѣдилъ, кто побѣжденъ, такъ какъ собственно ни того, ни другаго на маневрахъ и быть не можетъ, а между тѣмъ приучаютъ слушать и говорить равнодушно: слова, одна мысль о которыхъ должна приводить въ раздраженіе порядочнаго воинаго. Гораздо лучше, давъ занять позицію обороняющемуся и повѣривъ, хорошо ли онъ ее занялъ, приказать очистить ее, и затѣмъ приказывать наступающему атаковать эту позицію. При этомъ всякій сдѣлаетъ свое дѣло, и не будетъ повода говорить: вы должны отступить, вы отражены и т. д.

Этотъ способъ упражненія въ двухстороннемъ маневрированіи и тѣмъ еще хороше, что при немъ не раздражается самолюбіе того, кто мнимо побѣжденъ, а мнимый побѣдитель не рискуетъ получить слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ воинскихъ талантахъ. Устранить то и другое въ высшей степени важно: первое — потому, что оно подрываетъ товарищество, а безъ товарищества нѣтъ единодушія, безъ котораго въ бою успѣхъ невозможенъ; второе — потому, что оно ведетъ часто къ

составленію репутацій незаслуженныхъ (*), со всѣми понятными послѣдствіями этого.

Изъ сказаннаго видно, что, ведя солдата и офицера подобнымъ образомъ, мы ихъ лучше подготовимъ къ бою, нежели при нынѣшней системѣ, принятой у насъ и за границей. Въ основаніи она не ошибочна; но она не ведетъ дѣла такъ далеко, какъ можно и должно въ мирное время, и въ этомъ заключается ея ошибка, выражающаяся требованіями, въ бою бесполезными или неудобопримѣнными.

Изложенная система вводитъ въ образованіе солдата всѣ данныя, дѣйствующія въ бою, за исключеніемъ опасности отъ непріятеля; въ этомъ ея односторонность, которая можетъ быть уничтожена только проведеніемъ арміи черезъ страны въ родѣ Алжира, какъ то дѣлаютъ французы, или Кавказа, какъ то въ прежнее время могли бы дѣлать мы, если бы эта область не была такъ отдалена отъ средоточія нашей отчизны. Это не только осваиваетъ съ опасностію, но и даетъ практику находчивости, ибо въ такихъ странахъ солдатъ бываетъ поставленъ въ необходимость многое добывать самъ, а не получать все безъ малѣйшей заботы, не зная, откуда что берется, какъ это бываетъ въ казармахъ и на квартирахъ.

Но и подобный приѣмъ воспитанія солдата должно примѣнять къ дѣлу съ большой осмотрительностію: противникъ, слишкомъ легко сдающій, не улучшаетъ солдата, а портитъ его; и слишкомъ долго держать солдата на подобной практикѣ, можетъ быть, столь же опасно, какъ и не давать ему никакой. Софизмъ: „ничто такъ не портитъ войска, какъ война“, въ примѣненіи къ подобнымъ случаямъ обращается иногда въ истину.

М. ДРАГОМИРОВЪ.

(*) Въ родѣ Вейротера, Макка, Гюла и т. п.
